

**Оценки военного атташе Польши в СССР Я. Ковалевского
(сообщение секретаря британского посольства Е.А. Уокера. Москва, начало
февраля 1931 г.)**

Недавно я виделся с подполковником Ковалевским. Он обладает незаурядным интеллектом и широкими интересами и среди иностранных журналистов имеет репутацию хорошо информированного, всегда достоверного [источника], не только в отношении информации, относящейся к чисто военным делам, но также и в отношении политической и хозяйственной жизни Советского Союза. Более того, его взгляды на советские дела заметным образом свободны от враждебности, проявляемой другими членами польской миссии при обсуждении этой темы, и соответственно его суждения могут с основанием рассматриваться как более ценные.

Я начал беседу, показав полковнику (sic!) Ковалевскому множество вырезок из различных британских газет и обратив его особое внимание на статью, опубликованную в "Daily Mail" 9 января этого года, в которой высказывается предположение, что Советское правительство расходует большие суммы денег на военные и авиационные подготовительные мероприятия и число пилотов, проходящих обучение, определяется в 18 000. Полковник Ковалевский сказал, что цифра 18 000 является, вероятно, преувеличением: 9 или 10 000 было бы правильнее, если включить в это число членов Осоавиахима (Общество авиации и химической войны). Затем он продолжил обсуждать общие условия Красной армии и сказал, что его собственные наблюдения привели его к мнению о том, что уровень обучения, несомненно, высок и что Советское правительство не щадит усилий для повышения его эффективности. Постоянная армия в настоящее время насчитывает около 800 000 человек, с учетом особых пограничных войск, войск ГПУ и территориальной милиции, эта цифра составит около 1 1/2 миллионов. Он сказал, однако, что ограничит свои общие наблюдения 800-тысячными войсками постоянной армии. Военные, по его оценке, в сравнении со всеми другими советскими гражданами являются баловнями государства. Все части, которые он посетил (общим числом за последний год он видел их около 15), имеют сравнительно хорошие помещения. Каждый рядовой имеет удобную кровать — в некоторых частях даже с простынями — и, говоря в целом, обеспечен лучше, чем промышленные рабочие, и, безусловно, намного лучше, чем обычные советские гражданские работники, которые по всей России, и в особенности в столице, находятся в плохих жилищных условиях. Хотя, сказал он, он не может с определенностью заявлять, что его замечания применимы в равной мере ко всем частям Красной армии, — он может гарантировать, что они в равной степени применимы ко всем посещенным им частям. Части, показываемые иностранному военному атташе, естественно, не из худших, но у него есть серьезные основания полагать, что описанные им условия являются нормой. Войска в изобилии снабжаются пищей и получают мясо один и часто два раза в день. У них достаточное количество овощей и столько хлеба, сколько они могут съесть. Он сказал, что различия в питании между гражданским лицом и солдатом Красной армии настолько велики, что часто обнаруживается, что новобранец в первые три месяца военной жизни переедает хлеба и набирает вес. Когда насыщение теряет новизну, отклонения в физическом состоянии исправляются. Дисциплина, полагает полковник Ковалевский, надлежащая, и предпринимаются все усилия для того, чтобы повысить боевой дух армии. Весь личный состав Красной Армии, будь то офицеры или другие чины, обязаны в дополнение к военному обучению пройти курс политического

воспитания; власти, насколько это возможно, избегают пользоваться услугами офицеров, которые, несмотря на свою компетентность в других отношениях, не являются убежденными коммунистами. Слой старого офицерства быстро выпалывается, и предпочтение отдается курсантам, которые могут продемонстрировать, что обладают запятанным рабочим происхождением. Как уже констатировалось выше, он полагает, что общий уровень дисциплины и обучения хороший, особенно в пехоте, артиллерии и кавалерии. Общий уровень офицерского корпуса, в особенности в высшем командовании и технических войсках, сравнительно не столь высок, но для исправления этого недостатка предпринимаются большие усилия. Сверх того, особое внимание обращено на авиацию, как гражданскую, так и военную, причем гражданская, в сущности, является отраслью военной.

В этом месте я процитировал, не раскрывая ее происхождения, информацию, содержащуюся в депеше Форин Офис № 1135 (N 6657/5250/38) от 6 октября прошлого года о том, что к концу 1930 г. советские воздушные силы будут насчитывать около 1 800 машин в состоянии боевой готовности первого класса, обеспеченных соответствующим количеством подготовленных летчиков. Полковник Ковалевский сказал, что в соответствии с его сведениями эта оценка в основном правильна и скорее преуменьшена, так как истинная цифра находится, наиболее вероятно, вокруг 2 000. Он сказал, однако, что не следует воспринимать цифру 2 000 как означающую, что имеются 2 000 аэропланов, готовых в любой момент осуществлять военные операции. Число машин, готовых к применению и уже включенных в воздушные части (“*déjà embriquadés*”), где-то около 800. Оставшиеся 1 200 или около этого состоят из машин, еще не включенных в организованные части, или отряжены для обучающих целей. Пилоты, сказал он, хороши и полны энтузиазма.

Полковник Ковалевский затем заметил, что его наблюдения привели его к выводу, что Воздушные Силы, как в действительности вся Красная армия, организуются в исключительно наступательных целях. Армия широко вооружается танками и броневыми автомобилями (“чисто наступательными вооружениями”), и нигде на западных границах не строятся укрепления. Сходным образом, Воздушные Силы, как представляется, проектируются в целях нападения скорее, чем защиты, поскольку большее число машин скорее относится к типам бомбардировщика дальнего действия или наблюдателя, чем к классу истребителя, который подходит для отражения внезапного нападения на городские центры, склады вооружений и проч. и проч. Что касается степени способности российской промышленности поддерживать необходимое снабжение оружием и боеприпасами и другими военными материалами для обеспечения большой действующей армии, он сказал, что не имеет определенной информации, поскольку все эти вещи сохраняются в строгом секрете. У него, однако, есть основания быть уверенным, что предусмотренное пятилетним планом развитие тяжелой промышленности не может не быть связано с подготовкой к войне и боевой готовностью. С другой стороны, он убежден, что в настоящее время, скажем, по меньшей мере, в ближайшие три или четыре года, Советское правительство не имеет желания ввязываться в войну, так как его военные приготовления все еще недостаточно продвинулись. Существуют также другие факторы, нуждающиеся в учете, такие как нехватка продовольствия и вещей первой необходимости, которая является следствием политики Советского правительства по принуждению населения к существованию при совершенном минимуме еды и одежды, для того чтобы быть в состоянии финансировать пятилетний план за счет экспорта. Недовольство, подобное существующему в настоящее время, не является отчетливым или опасным для режима, но может стать таковым в случае неудачной войны. Однако тот факт, что организация армии выглядит основанной на предпосылке последующего ее использования как орудия нападения, вызывает у него мрачные предчувствия. Более того, любой, кто изучал развитие коммунизма, не мог не обрести уверенности в том, что, несмотря на

торжественные заверения в миролюбии, он, по существу, является исповеданием агрессии. Официальные апологеты коммунизма старательно внедряют в сознание каждого советского гражданина убеждение, что в других странах все обстоит скверно от А до Я и что в свое время революция распространится на остальной мир во исправление несправедливости в отношении трудящихся масс. Это верно, что постоянные призывы к населению Союза обеспечить полную готовность страны к защите от нападения, которые делаются Осоавиахимом и его отделениями через афиши, плакаты и посредством статей в печати, всегда делают ударение на необходимости для Советского Союза “защитить себя от интервенционистов” и тому подобных, но остается фактом, что внимательное ознакомление с историей убедит любого непредвзятого исследователя в том, что широкие военные приготовления, будь они теоретически наступательными или оборонительными, всегда приводили к одному результату, а именно к войне.

Полковник Ковалевский затем обратился к вопросу отношений между Советским Союзом и его западными соседями. Советское правительство, сказал он, живет в постоянном страхе “окружения”, т. е. комбинации Финляндии, Балтийских государств, Польши и Румынии, и своей внешней политикой пытается обеспечить сохранение, по крайней мере, одного пролома в этой стене путем поддержания хороших отношений с Литвой и делает все, что в своих силах, для того, чтобы пресечь любую попытку осуществить сближение этой страны с Польшей. Оно также недавно предприняло попытку вбить клин между Польшей и Румынией. В этом оно потерпело неудачу, хотя полковник Ковалевский, по всей видимости, полагает, что Румыния может оказаться не самым стойким и надежным союзником в случае столкновения. Идеальным сочетанием обстоятельств для советского Генерального штаба в настоящее время, и есть основания считать, что они пытаются осуществить это на практике, является короткая решительная борьба, продолжающаяся не более чем пять или шесть месяцев, против одного или, в крайнем случае, двух западных соседей. <...>

[Report by E.A. Walker, n.d.]. Encl. to E. Ovey to A. Henderson, Moscow, Febr. 9, 1931 // PRO. FO/371/15614/N1117.